

АЛЕКСЕЙ ЗЫГМОНТ

Мученичество как репутационный проект: кто и как «делает» мучеников

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-198-225>

Aleksei Zygmont

Martyrdom as a “Reputational Project”: Who and How “Makes” the Martyrs

Aleksei Zygmont — Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). alekseizygmont@gmail.com

The article deals with the theoretical and empirical development of a model within the framework of the constructivist theory of martyrdom: the analysis of martyrdom as a “reputational project”. Within this general theory, martyrdom is considered not as an objective event of someone’s violent death for certain beliefs, but as its interpretation — a post-factum created narrative anchored in the collective memory of the community. This means that martyrs are rather “made” than “appear”. The author’s conceptualization of martyrdom as a reputational project focuses on the individual or collective subject of this narrative (a “reputational entrepreneur” in the terminology of sociologist Gary A. Fine); on the raw material, symbolic and human resources available to them, as well as specific situational prerequisites for the project to succeed or fail. The article proposes a three-part typology of entrepreneurs and exemplifies each type with case studies. These are (1) “autobiographical” entrepreneurs, who initiate a project concerning themselves; (2) “biographers”, who initiate a project concerning someone else; (3) “diffuse” entrepreneur, which is a collective entity. Finally, the article analyzes the cases where a reputational project was initiated but failed or turned out to be unclaimed, leaving a person unrecognized as a legitimate martyr. Stemming from some case studies, the author makes

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

assumptions on why some such projects succeed, while others failed, and also, why some martyrs become more popular than others. At the end of the article, there is a list of the main prerequisites and circumstances that affect the outcome of the project: the quality of the original hagiographic data; its conformity with an established religious tradition; the presence or absence of a decent “cause,” for which the martyr allegedly died; the request from a community; the entrepreneur’s personality; and possible contestations from opponents or deniers of martyrdom. Particular attention is paid to problematic phenomena beyond religious traditions or on their margins, like “political” martyrdom.

Keywords: martyrdom, “political” martyrdom, constructivism, reputation entrepreneurship, reputation project, Gary A. Fine, sacrifice.

ЧТО такое мученичество и кого считать мучеником? У верующих, которые отвечают на оба вопроса сами или доверяются религиозным лидерам и общинам, особенных затруднений с ответом нет. Другое дело — исследователи, вынужденные учитывать широкий спектр «проблемных» форм жертвенности, относительно которых мнения расходятся. Условно эти формы можно свести к трем типам: это «политические» мученики начиная с мучеников Французской революции XVIII века или «президентов-мучеников» США и заканчивая мучениками движений за права женщин и черных; мученики-террористы — христианские борцы с абортами в той же Америке, которые за свою деятельность были казнены или сели в тюрьму, джихадисты, воинствующие сикхи в Индии¹; с другой стороны — жертвы геноцидов, из которых одни признаны мучениками (как жертвы Мец Егерн), а относительно других шли и продолжаются бурные дебаты (как в случае с Шoa)². Следует ли исследователю пытаться определять мученичество с учетом всех этих форм, отбросить что-то как «ложное» мученичество или довериться самим верующим?

1. См.: Юргенсмейер М. «Ужас Мой пошлю пред тобою». Религиозное насилие в глобальном масштабе. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 180–192.
2. Общую постановку вопроса см. в: Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима. Архив и свидетель. М.: Европа, 2012. С. 26–32.

Поскольку исследовательского консенсуса на этот счет нет, работающих с ним ученых можно разделить на два лагеря: это *эссенциалисты* и *конструктивисты*. В рамках первого подхода, как следует из его названия, исследователи рассматривают мученичество как объективное событие — смерть при некоторых обстоятельствах — и стремятся очертить его с помощью дефиниции. Я. В. ван Хентен и Ф. Авемари, например, пишут, что «мученик — это тот, кто в предельно враждебной ситуации предпочел выполнению требований властей (как правило, языческих) насильственную смерть»³. К сожалению, такой подход является ограниченным, поскольку описывает ограниченное число смертей иудеев и христиан, да и то лишь в первые века н. э., и редкие исключения уже в Новое время вроде преследований христиан в Японии в XVI–XVII веках. Другие авторы выводят не определение, а набор объективных критериев. А. Дроудж и Дж. Тейбор — наиболее авторитетные представители такого подхода — выделяют таких критериев пять: смерть должна произойти в ситуации угнетения и гонений; решение умереть должно считаться необходимым, благородным и героическим; мученик должен стремиться к гибели; его смерть должна быть полезной, а сам он должен ждать посмертного воздаяния⁴. Или, Г. Галликсон выводит три других: потенциальный мученик должен осознавать близкую опасность; готовиться, но не стремиться к смерти; наконец, инициатива должна исходить не от него, а от противника, то есть «гонителя»⁵.

Недостатки эссенциалистского подхода сводятся к тому, что он является, еще раз, ограниченным (не позволяет охватить многие современные и проблемные кейсы), аисторическим (проецирует концепт мученичества равно на период до I века н. э. и на чуждые ему контексты вроде индуизма) и произвольным (поощряет исследователя самостоятельно «назначать» мучеников или «отказывать» в мученичестве субъектам, ко-

3. van Henten, J. W., Avemarie, F. (2002) *Martyrdom and Noble Death: Selected Texts from Greco-Roman, Jewish and Christian Antiquity*, p. 3. London, New York: Routledge.
4. Droge, A., Tabor, J. (1992) *A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity*, p. 75. San Francisco: Harper San Francisco.
5. Gullickson, G. (2008) "Emily Wilding Davison: Secular Martyr?", *Social Research* 75(2): 478–479.

торые ему или ей не нравятся). Отправляясь от этой критики, конструктивистский подход рассматривает мученичество, по словам Д. Боярина, как «литературную форму, жанр»⁶. Иначе говоря, мученичество не происходит объективно, а создается в качестве нарратива о чьей-либо смерти; это не событие, а рассказ, история, феномен почитания. П. Миддлтон пишет, что «мучеников не выявляют, а делают»⁷; или в другой работе: «мученичество — это нарратив, который создает или воспроизводит идентичность определенной группы, выдвигая фигуру ее идеального представителя, который по собственной воле или вопреки ей умер за ее ценности»⁸. По определению М. Фаррара, это «социально-политический процесс, оформление специфического нарратива касательно жизни и смерти кандидата»⁹. В целом не будет ошибкой сказать, что с начала 1990-х годов конструктивистский подход стал в исследованиях мученичества доминирующим¹⁰.

Утверждая, что мученичество — это рассказанная кем-то за чем-то история или что мучеников «делают», мы сразу же сталкиваемся с рядом трудных вопросов: кто рассказывает эти истории и «делает» мучеников? Зачем это им? Ведают ли они, что творят и какие механизмы приводят в действие — или это занятие кажется им естественным исходя из их идеологических и религиозных верований?

Позволим себе чуть поспорить с Миддлтоном и учеными, делающими акцент на группе и коллективной идентичности: вычислить конкретного человека, выступающего в роли «творца

6. Boyarin, D. (1999) *Dying for God. Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism*, p. 116. Stanford: Stanford University Press.
7. Middleton, P. (2006) *Radical Martyrdom and Cosmic Conflict in Early Christianity*, p. 12. London: T&T Clark.
8. Middleton P. (2014) "What Is Martyrdom?", *Mortality: Promoting Interdisciplinary Study of Death and Dying* 19(2): 130.
9. Farrar, M. (2018) "David Oluwale: Making his Memory and Debating his Martyrdom", in Q. Outram, K. Laybourn (eds) *Secular Martyrdom in Britain and Ireland: From Peterloo to the Present*, p. 228. Palgrave Macmillan.
10. См., напр.: Weiner, E., Weiner, A. (1990) *The Martyr's Conviction: A Sociological Analysis*. Atlanta, GA: Scholars Press; Castelli, E. A. (2004) *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New York, Chichester: Columbia University Press; Grig, L. (2004) *Making Martyrs in Late Antiquity*. London: Duckworth; Hickerson, M. L. (2005) *Making Women Martyrs in Tudor England*. London: Palgrave Macmillan; Moss, C. (2013) *The Myth of Persecution. How Early Christians Invented the Story of Martyrdom*. New York: Harper One.

мучеников», бывает подозрительно легко. Хотя из-за нехватки информации сделать это получается не всегда, а нарратив в любом случае должен получить одобрение сообщества, которое воплотит его в культовой практике и создаст артефакты коммеморации — тексты, украшенную могилу либо кенотаф, произведения искусства, медали, почтовые марки или названия улиц, — суть от этого не меняется. Поэтому для работы с этой темой мы предлагаем обратиться к идее «репутационного предпринимательства» (*reputational entrepreneurship*), представленной в работах американского социолога Гэри А. Файна. В том же русле социального конструктивизма он утверждает, что репутации значимых личностей — позитивные, негативные либо специфические, вроде «национального героя», — хотя и основаны на реальных фактах, не проистекают из них объективно, а создаются конкретными людьми в определенных социальных условиях и для некоторого сообщества, то есть аудитории. Согласно определению Файна, такой предприниматель — это «заинтересованный опекун» репутации, который пытается контролировать ее средствами мотивации, нарративных приемов и институционального оформления¹¹. Сам социолог апробировал эту концепцию в двух основных работах: сборнике статей «Сложные репутации: коллективная память о плохом, неумелом и противоречивом» (2001) и книге «Прилипчивые репутации: политики коллективной памяти в Америке середины столетия» (2012)¹². Среди рассмотренных им примеров есть и один мученик — аболиционист Джон Браун, который станет одним из главных примеров и в нашей статье.

Ключевое слово в этом определении — «пытается»: дело в том, что предприятие — иначе говоря, «проект», — может окончиться полной либо относительной неудачей. Если возобновить разговор о мученичестве, причины могут быть самые разные: нехватка информации о потенциальном мученике и его смерти; неспособность найти или выдумать «дело» (*cause*),

11. Fine, G. A. (2001) *Difficult Reputations: Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial*, p. 63. Chicago: University of Chicago Press.

12. Ibid.; Fine, G. A. (2012) *Sticky Reputations: The Politics of Collective Memory in Mid-century America*. New York, London: Routledge. Опыт приложения этой концепции к исследованиям мученичества см. также в статье: DeSoucey, M., Pozner, J., Fields, C. et al. (2008) "Memory and Sacrifice: An Embodied Theory of Martyrdom", *Cultural Sociology* 2(1): 105–108.

за которое он якобы пострадал; отсутствие аудитории, которую убеждают в наличии факта мученичества, или попросту недоверие, инертность и безразличие с ее стороны; оспаривание этого факта и противодействие репутационному проекту со стороны конкурентов; отсутствие у предпринимателя таланта и вкуса и множество других. В нашем случае борьба за репутацию — это столкновение нарративов, постулирующих смерть человека как «мученичество», «самоубийство» или «убийство» (как говорил Дж. Буш-младший про террористов в Палестине: «они не мученики, а убийцы»¹³, или Владимир Путин про врагов России: «мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут»)¹⁴. В этой связи примечательно, что мы ничего не знаем о *возможных* мучениках, в отношении которых репутационный проект не был инициирован, но много — о тех, в отношении которых он окончился неудачей.

Цель настоящей статьи — попытаться более полно интегрировать концепцию репутационного предпринимательства в исследования мученичества и представить несколько пробных эмпирических описаний. С одной стороны, указание на фигуру предпринимателя позволит доказать, что мученики не «возникают» сами по себе, а «идентифицируются» по итогам комплексного социального процесса, в основе которого лежит вполне конкретный (что не всегда значит — корыстный) интерес определенных людей. С другой — эмпирический анализ позволит нам выявить предпосылки успеха тех или иных репутационных проектов, очертить трудности, с которыми они могут столкнуться, и ответить на важнейший вопрос: почему некоторые проекты терпят крах. Одни кейсы (Игнатий Антиохийский, Дж. Браун, мученицы школы «Колумбайн» К. Бернал и Р. Скотт, неудавшийся в итоге проект Кирилла Александрийского в отношении монаха Аммония, У. Гардинг, Д. Олувале) будут рассматриваться в деталях, другие — только обозначаться для расширения иллюстративного охвата. Хотя некоторые из них — чисто хри-

13. “Bush: A Murderer Is not a Martyr”, *CNN News*. April 17, 2002 [<https://edition.cnn.com/2002/ALLPOLITICS/04/17/bush.anti-terrorism/>, accessed on 19.02.2022].

14. Путин — о последствиях ядерного удара по России: «Мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут» // Новая газета. 18 октября 2018 [<https://novayagazeta.ru/news/2018/10/18/146054-putin-posle-inostrannogo-yadernogo-udara-my-kak-mucheniki-popadem-v-ray-a-oni-prosto-sdohnut-dazhe-ne-uspev-raskayatsya>, доступ от 19.02.2022].

стианские, а другие нет, различие между условно «религиозным» и столь же условно «секулярным» мученичеством для нас не столь важно: главное — историческая причастность к самому этому феномену, как он развивался с I-II веков н.э. и до наших дней¹⁵. Исходя из теоретических предпосылок исследования, особое внимание мы будем уделять проблемным случаям мученичества если не за пределами, то на границе традиционной христианской или любой другой парадигмы. Именно здесь, на этой мутной границе, лучше всего просматриваются творчество предпринимателей, реакция аудитории на их притязания и оспаривание со стороны оппонентов.

«Осовой» моделью нашего анализа будет деление репутационных предпринимателей на три типа: это (1) «автобиографы», (2) «биографы» и (3) «диффузный», или «коллективный» тип. Рассмотрим их по порядку.

Мученичество как рассказ о себе: «автобиографический» тип

Первый вариант, который мы условно называли «автобиографическим», подразумевает, что человек инициирует проект в отношении самого себя — и, если сейчас мы знаем его или ее как мученика, достигает успеха. Чаще всего это происходит, когда человек в тюрьме и ждет казни, либо — имея на то, быть может, самые веские основания, — опасается репрессий или убийства и рефлексировал над собственной жизнью, призванием и неизбежной или возможной смертью. Именно к этому типу, если только весь его корпус не является поздним псевдоэпиграфом¹⁶, относится Игнатий Антиохийский — апостольский муж и вероятный автор одной из ранних версий богословия мученичества. В 107 году под надзором римских солдат, которых он за жестокость называл «леопардами», епископа препровождали в Рим на казнь — на съедение диким зверям. По дороге он писал христианским общинам наставительные письма, из которых особенную известность получило его послание римской церкви, где он

15. О сложностях этого различения см. нашу статью: Зыгмонт А. И. Существует ли «секулярное мученичество»? К вопросу о демаркации проблемных форм жертвенности // Шаги/Steps. 2021. № 2. С. 31–58.

16. Обзор соответствующих версий см. в: Lookadoo, J. (2020) “The Date and Authenticity of the Ignatian Letters: An Outline of Recent Discussion”, *Currents of Biblical Research* 19(1).

рассуждает о собственной близящейся кончине. Поскольку римские христиане порывались подкупить стражу, чтобы его спасти, он просит их воздержаться: «Ибо ни я уже не буду иметь такого удобного случая достигнуть Бога, ни вы — ознаменовать себя лучшим делом, если будете молчать»¹⁷. И далее излагает свой взгляд на то, что такое мученичество и почему он так страстно к нему стремится: «Я пишу Церквам и всем сказываю, что добровольно умираю за Бога. [...] Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым. [...] Молитесь о мне Христу, чтобы я посредством этих орудий сделался жертвою Богу. [...] Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего»¹⁸.

В этом и других пассажах Игнатия мы видим зарождение богословия мученичества: это добровольная смерть, отречение от мирского ради небесного, жертва, соединение с Богом, подражание Христу — буквальное в страданиях и метафорическое в образе пшеницы, которую нужно перемолоть и испечь в уподобление «хлебу», то есть Телу Христову в Евхаристии. В конечном счете до Игнатия таких интерпретаций никто не предлагал, однако же у него был епископский авторитет, адресат в виде сплоченной общины и ясный образец — Крестная смерть Христа, которая была и впредь будет главной референцией для христианского мученичества¹⁹. Кроме того, его слова о «добровольной смерти» отсылают к обширнейшей греческой и затем римской традиции, которая началась еще в V веке до н. э. со смерти Сократа, описанной в «Федоне» Платона, и жила в рефлексии киников, стоиков, иудеев, неоплатоников и т. д.²⁰ Поэтому его слова не могли вызвать ни удивления, ни обвинений в суицидальных наклонностях; как указывают Дроудж и Тейбор, надежным основанием для добровольной смерти всегда был «знак от божества» — а именно на него постоянно ссылается Игнатий. Эти символические ресурсы позволили ему не только об-

17. Ep. Ign. ad Rom., 2 (Послание святого Игнатия к римлянам // Писания мужей апостольских. СПб.: Амфора, 2007. С. 417).

18. Ep. Ign. ad Rom., 4–5 (Послание святого Игнатия к римлянам. С. 419–420).

19. См., напр.: Moss, C. (2010) *The Other Christs: Imitating Jesus in Ancient Christian Ideologies of Martyrdom*. New York, Oxford: Oxford University Press.

20. См. уже упомянутые и бесценные в плане этой традиции работы: Droge, A., Tabor, J. *A Noble Death*; van Henten, J. W., Avemarie, F. *Martyrdom and Noble Death*.

основать свою казнь как мученичество — то есть «свидетельство» в принятии насильственной смерти²¹, — но и создать нарратив, который закрепился в традиции и десятки раз использовался впоследствии²². Эти замечания остаются справедливыми и в том случае, если, как считают некоторые исследователи, послания Игнатия — документ не начала, а второй половины II века; если же это псевдоэпиграф, мы имеем дело не с «автобиографическим», а «биографическим» репутационным проектом, специфику которого рассмотрим далее. Решать этот труднейший вопрос здесь и сейчас не представляется, во всяком случае, возможным и даже нужным.

Иной важный пример этого рода — уже упомянутый Джон Браун (1800–1859), мученик аболиционистов и, позднее, — северян в эпоху Гражданской войны в США, который был одним из первых идеологов и деятелей вооруженной борьбы за освобождение рабов. Он удивительным образом ладил с квакерами, которые играли в движении значимую роль, но отстаивали принципы ненасилия. Изначально его борьба развернулась в Канзасе, где соперничали между собой северяне и южане: в частности, он считается организатором нападения на поселение плантаторов Поттаватоми-Крик от 24 мая 1856 года. Во главе отряда стояли трое из пяти его сыновей, было убито пять человек. В мае 1859 года, окончательно разочаровавшись во властях и законных способах борьбы, он превратил скромную ферму в штате Мэриленд в боевой штаб, откуда во главе отряда из восемнадцати человек совершил налет на военный арсенал Харперс-Ферри, надеясь захватить оружие, раздать его рабам и бежать. В итоге им пришлось засесть в арсенале, на штурм которого вскоре прибыли регулярные войска под командованием Роберта Эдварда Ли — тогда еще полковника и будущего генерала конфедератов в близящейся Гражданской войне.

Брауна взяли в плен, судили и приговорили к повешению за измену штату, убийство белых и подстрекательство к бунту черных. Однако до казни он провел сорок два дня в тюрьме го-

21. Об эволюции этого понятия см.: Kitts, M. (2018) “The *Martyrs* and Spectacular Death: From Homer to the Roman Arena”, *Journal of Religion and Violence*, 6(2): 268–272.

22. Подробнее см.: Frend, W. H. C. (1965) *Martyrdom and Persecution in the Early Church: A Study of a Conflict from the Maccabees to Donatus*, pp. 178–209. Oxford: Blackwell; de Ste. Croix, G. E. M. (2006) *Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy*. New York: Oxford University Press.

рода Чарльз-Таун, штат Виргиния. Под давлением прессы ему было дано право вести переписку и принимать у себя гостей — и он пользовался им настолько активно, что за полтора месяца у него перебивало восемьсот человек сторонников и врагов, а сам он превратился из «кровожадного фанатика», каким его многие считали, в мученика и героя. Характерно, что на манер Сократа или Игнатия он также отверг предложение друзей бежать или просить о помиловании. В письме семье он пишет: «запечатав свидетельство [*testimony*] пред Богом и человечеством своею кровью, я сумею намного лучше поспособствовать тому делу [*cause*], к коему приложил так много сил»²³ — и далее напоминает о страданиях Иисуса Христа, к которому очевидно себя приравнивает. В частности, он повторяет его слова о мучителях, которые «не ведают бо, что творят» и «не моя воля, но Твоя да будет», а еще в одном месте присваивает Христу собственное звание, называя «капитаном свободы и спасения»²⁴. Или в других письмах: «великое утешение — пребывать в уверенности, что мне дано умереть за нечто значительное [*cause*]; а не просто, как все, отдавая природе должное»²⁵; «Христос даровал мне не только верить в него, но и ради него пострадать»²⁶. Сознательно подражая первым христианским мученикам, он пишет о необычайном спокойствии, готовности «узреть то, чего не видели глаза, и услышать то, чего не слышали уши», что он вовсе не замечает вокруг себя тюрьмы с ее решетками и что в жизни еще не испытывал такой радости²⁷. Хотя он и не называет себя мучеником прямо, но использует такие технические термины, как «свидетельство» [*testimony*] и «жертва» [*sacrifice*], которые для его адресатов несомненно отсылают к мученической традиции.

Вместе с тем, полагая себя «орудием Провидения», настроен он был воинственно. Так, в послании некой «Леди-квакер-

23. Sanborn, F. B. (ed.) (1985) *The Life and Letters of John Brown, Liberator of Kansas, and Martyr of Virginia*, p. 586. Boston: Roberts Brothers. Здесь и далее подборкой цитат из писем Дж. Брауна мы обязаны работе: Naveh, E. J. (1992) *Crown of Thorns: Political Martyrdom in America from Abraham Lincoln to Martin Luther King Jr.*, p. 24. New York: New York University Press.

24. Sanborn, F. B. (ed.) *The Life and Letters of John Brown*, p. 590.

25. Ibid., p. 609.

26. Ibid., p. 598.

27. Ibid., p. 609–610.

ше» он пишет: «Вы знаете, как Христос однажды дал меч Петру, — думаю, что и в моем случае он вложил в мои руки клинок на то время, кое полагал наилучшим, и затем милосердно отнял его у меня»²⁸. Эти два ключевых мотива — жертвенность и милитантность — сплелись также в его последних словах перед казнью: «Я, Джон Браун, теперь совершенно уверен, что преступления этой греховной страны не искупить иначе как кровью. Я думаю отныне, что напрасно тешил себя мыслью, что такое можно осуществить без огромного кровопролития». Если в первом случае понятие «искупления кровью» отсылает к нему самому и его товарищам, то во втором «кровопролитие» очевидно касается его врагов из числа рабовладельцев.

Именно это сочетание двух мотивов вкупе с идентификацией рабовладения как корня всех зол и указанием на фигуру врага «гонителя» (южан-рабовладельцев) и определило успех брауновского проекта у широкой северной аудитории. В итоге с самого начала в 1861 году Гражданской войны в США Браун превращается в одного из героев Севера, а посвященная ему песня *John's Brown Body* («Тело Джона Брауна») трансформируется в *Battle Hymn of the Republic* («Боевой гимн Республики») ²⁹. Этому гимну будет уготована долгая история, не окончившаяся до сих пор: после знаменательного теракта 11 сентября он завершал поминальную службу в Вашингтонском кафедральном соборе Петра и Павла и прозвучал сразу после того, как президент Буш объявил «войну против терроризма»³⁰.

Иных примеров предприятий такого рода меньше, чем других типов проектов, но их также немало. Превращая свои арест и казнь в театрализованные представления, — за что их нередко критиковали язычники, — многие христиане II–III веков тоже были собственными репутационными предпринимателями, но не в текстовой, а в деятельно-перформативной форме. В конце концов, «свидетельство» должно осуществляться публично, с объявлением себя христианином, формальным отказом принести жертву богам либо императору, зачастую — с насмеш-

28. Ibid., p. 582.

29. См.: Hall, F. H. (1916) *The Story of the Battle Hymn of the Republic*. New York: Harper; Stutler, B. B. (1960) *Glory, glory, hallelujah! The Story of "John's Brown Body" and "Battle Hymn of the Republic"*. C. J. Krehbiel Co.

30. Stauffer, J., Soskis, B. (2013) *The Battle Hymn of the Republic: A Biography of the Song that Marches On*, pp. 4–5. Oxford University Press.

ками над судьями и благочестивыми каламбурами³¹. На этом фоне выделяются *acta et passiones*³², при написании и редактировании которых использовались оставленные мучениками автобиографические записи: это прежде всего «Страсти Перпетуи и Фелицитаты», но также «Мученичество Пиония» или «Мученичество Монтана и Луция»³³. Однако сомнительно, чтобы эти заметки, в которых мученики описывают обстоятельства своего ареста, предшествующие казни события и, нередко — сны и видения, оставались ради того, чтобы позже их прочли другие христиане. В этом — их отличие от писем Игнатия и Джона Брауна: если те сознательно обращались к внешней аудитории, представляя свою неизбежную смерть как мученичество, то мать грудного ребенка Вибия Перпетуя вряд ли стремилась к такому, рассказывая, что, когда ей не отдали сына, тот не захотел молока, а у нее самой не случилось обычного в таких случаях воспаления и боли в грудях³⁴.

Из более современного и менее «классического» материала можно привести пример мученика Французской революции XVIII века Жан-Поля Марата, который последовательно выставлял себя страдальцем и жертвой в журнале «Друг народа», а на заседания Национального конвента в 1792–1793 году приходил с пистолетом, чтобы «в случае чего» приставить его к груди и доказать тем самым свою готовность умереть за Отечество³⁵. Оба обстоятельства, несомненно, сыграли немалую роль в его последующем апофеозе (буквально — «обожествле-

31. Например, запутывая судей относительно «господина» [κύριος], о котором говорят: судьи имеют в виду императора, а христиане — Иисуса Христа и Бога-Отца. Или, будущий мученик Папил в «Мученичестве Карпа, Папила и Агатоники» заявил проконсулу, что у него есть дети: тот понял это буквально и обвинил его во лжи, но тот имел в виду «детей в Боге» (Mart. Carpi lat., 28–32). О мученичестве как «шоу» или спектакле см. также: Bowersock, G. (1995) *Martyrdom and Rome*. Cambridge: Cambridge University Press; Potter, D. (1993) "Martyrdom as Spectacle", in R. Scodel (ed.) *Theatre and Society in the Classical World*, pp. 53–88. Ann Arbor: The University of Michigan Press; Sales-Carbonell, J. (2014) "Roman Spectacle Buildings as a Setting for Martyrdom and Its Consequences in the Christian Architecture", *Journal of Ancient History and Archeology* 1(3): 8–21.

32. Об этом различии см.: *Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования* / Пер., коммент., вступ. ст., прилож. и общ. ред. А.Д. Пантелева. СПб: ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. С. 24–25.

33. Там же. С. 213, сноска № 22.

34. Pass. Perp., 6, 8 (Страсти Перпетуи и Фелицитаты // Ранние мученичества. С. 220).

35. См.: Schama, S. (1989) *Citizens: A Chronicle of the French Revolution*, p. 733. New York: Alfred A. Knopf.

нии»). Или, мученица суфражистского движения Эмили У. Дэвисон в открытых письмах в газеты сравнивала соратниц с первыми христианками, а собственный тернистый путь уподобляла Крестному пути и Голгофе: «Положить жизнь свою за друзей — достойно, самоотверженно, удивительно! Но воспроизвести трагедию Голгофы для будущих поколений — в этом заключена наивысшая жертва Воительницы», к каковой жертве она изъявляла готовность³⁶. Исследователь М. Юргенсмейер рассказывает об обычае юных террористов-смертников в Палестине записывать накануне миссии «прощальное» видео с торжественными речами: «Завтра будет день встречи... с Господом Вседержителем. [Он и его товарищи] прольют свою кровь за дело Бога, из любви к родной земле, за вольность и славу своего народа, чтобы Палестина оставалась мусульманской»³⁷. В дальнейшем эти записи расходятся в палестинском подполье и используются, с одной стороны, как свидетельства об их мученичестве, а с другой — для воодушевления и привлечения новых «живых бомб».

Мученичество как рассказ о другом: «биографический» и «диффузный» типы

«Биограф» — самый частый и незаметный тип репутационного предпринимателя. Это свидетель или третье лицо, которое рассказывает историю мученичества как нечто самоочевидное, хотя в действительности *идентифицирует* чью-либо смерть в таком качестве и конструирует соответствующий нарратив, снабжая его тропами, образцами и референциями. Как ни вызывающе это прозвучит, но первый «проект» такого рода был инициирован в отношении самого Иисуса из Назарета, который стал «искупительной жертвой» благодаря авторам Евангелий, апостолу Павлу и автору Послания к Евреям. Именно созданная ими и христианским богословием «репутация» и составляет разрыв между Христом как Богочеловеком-Спасителем и «историческим Иисусом», которого активно искали в XIX–XX веках

36. Цит. по: Gullickson, G. "Emily Wilding Davison: Secular Martyr?", p. 473. См. также: Collette, C. P. (2013) *In the Think of the Fight: The Writing of Emily Wilding Davison, Militant Suffragette*. Ann Arbor, MI: Michigan University Press.

37. Юргенсмейер М. «Ужас Мой пошло пред тобою». С. 149.

и продолжают искать до сих пор³⁸. В дальнейшем эту эстафету подхватило раннее христианство: у всех дошедших до нас *acta* и *passiones* был автор или редактор — как правило, нам неизвестный. Исключением мог бы стать Тертуллиан, за которым одно время подозревали редактуру «Страстей Перпетуи и Фелицитаты», но сегодня эта гипотеза считается несостоятельной³⁹. Невиданных масштабов этот проект достигает в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, перед которым стояла задача представить историю Церкви как историю мучеников, на чьей крови она стоит. Именно это имеет в виду К. Мосс, когда пишет, что гонения — созданный им «миф»⁴⁰. Учитывая совсем еще недавнюю легализацию христианства и благосклонность самого императора Константина, такой дидактический по сути проект был просто необходим. Позднее этот жанр неоднократно воспроизводился под тем же или иным названием: как пример можно привести «Церковную историю народа англов» Беды Достопочтенного или «Деяния и памятники» Джона Фокса, более известные как «Книга мучеников». Все это, разумеется, не означает, что христиане не жертвовали собой добровольно — во многих случаях так и было. Это значит лишь то, что в отсутствие предпринимателей и восприимчивой аудитории их смерть могла бы остаться незамеченной или предстать богохульным фанатизмом — как и произошло с донатистами благодаря Оптату Милевийскому и Августину⁴¹.

Мотивы «биографов» могут быть разными: искреннее благочестие или приверженность идеологии, личная выгода, корыстный расчет или по-человечески понятное горе — а потом уже выгода и расчет. Рассмотрим в качестве примера случай двух юных мучениц, погибших во время стрельбы в школе «Колумбайн» в 1999 году — Кесси Бернал и Рэйчел Скотт.

38. Смысл этого проекта раскрывается, например, в работах: *Дженкинс Ф.* Войны за Иисуса. Как церковь решала, во что верить. М.: Эксмо, 2012; *Эрман Б.* Как Иисус стал Богом. М.: Эксмо, 2016.

39. См.: Ранние мученичества. С. 241–242 и литературу, которую рекомендует составитель сборника А.Д. Пантелеев в сноске № 148.

40. Moss, C. *The Myth of Persecution*.

41. См.: Shaw, Brent, D. (2011) *Sacred Violence: African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine*, pp. 718–720. Cambridge University Press; Ployd, A. (2018) “*Non poena sed causa: Augustine’s Anti-Donatist Rhetoric of Martyrdom*”, *Augustinian Studies* 49(1): 25–44.

В обоих случаях репутационными предпринимателями выступили родственники девушек: в первом случае — мать, во втором — отец и младший брат. Итак, спустя несколько месяцев после трагедии — в октябре 1999 года — Мисти Бернал выпустила книгу «Она ответила “да”: невероятное мученичество Кесси Бернал»⁴². Название отсылает к продержавшейся некоторое время легенде о смерти девушки: один из стрелков, 17-летний Дилан Б. Клиболд, якобы спросил у нее, верит ли она в Бога, та ответила «да», и тут же была застрелена. Эта легенда основана на крайне сбивчивых и противоречивых показаниях троих выживших — Дж. Лэппа, К. Скотта и Э. Тодда. Ни один из них не видел сцены, а только слышал пресловутый разговор, прячась при этом в другом конце библиотеки. Когда Крейга Скотта (младшего брата Рэйчел) привели на место происшествия и спросили, откуда доносился женский голос, он указал в ту сторону, где пряталась еще одна жертва, Валин Шнурр. Двое из этих троих свидетелей в какой-то момент заявляли, что слышали два одинаковых разговора — с Бернал и Шнурр. Однако же ученицы, находившиеся рядом с Кесси и все видевшие — Э. Уайант и Б. Паскуале, — утверждали, что никакого разговора с ней не было. Исследователь Дж. Уотсон, первым описавший борьбу между «защитниками» и «отрицателями» мученичества, пришел к выводу, что разговора все-таки быть не могло⁴³. Шнурр также выжила и утверждала, что «разговор о Боге» произошел именно с ней⁴⁴, но ей никто не поверил и все заявили, что она подделывается под Кесси и хочет опорочить ее подвиг.

В итоге благодаря матери и огромному возбуждению евангелических пасторов Кесси стала христианской мученицей с полным набором иконических мотивов — порочная юность, обращение и исповедание веры. Хотя изначально проект был инициирован Мисти Бернал, потом его взяла в свои руки Церковь, и опроверг-

42. Bernall, M. (1999) *She Said Yes: The Unlikely Martyrdom of Cassie Bernall*. Farmington, PA: Plough Publishing House.

43. Watson, J. (2002) *The Martyrs of Columbine: Faith and the Politics of Tragedy*, pp. 117–128. Palgrave Macmillan. См. также: Larkin, R.W. (2007) *Comprehending Columbine*. Philadelphia: Temple University Press.

44. Как пересказывает эту беседу первый и главный «отрицатель», журналист Дейв Каллен, раненная из дробовика в руку и торс (34 раны), Валин Шнурр молилась: «Господи, Господи, не дай мне умереть». Клиболд спросил: «Бог? Так ты веришь в Бога?» — «Верю, да». — «А че так?» — «Просто верю и все. Меня так воспитали родители». Стрелок уже передернул затвор, но потом на что-то отвлекся, и девушка выжила. См.: Cullen, D. (2009) *Columbine*. New York: Twelve.

нуть что-либо стало уже невозможно. Немалую роль сыграли телевидение и газеты: после того как в течение нескольких месяцев они излагали версию с Кесси, все, включая выживших учеников, поверили именно им.

Что касается Рэйчел Скотт, ее личный «миф» пошел по линии не только церковной, но и социально-политической. Когда началась стрельба, она обедала рядом с другим учеником — Ричардом Кастальдо, и погибла первой. Из-за ранений он остался парализован, но потом в газетном интервью пересказал разговор, который приписывали Бернал или Шнурр. Ее репутационный проект был инициирован уже на похоронах 24 апреля, когда несколько пасторов заявили, что она «отдала жизнь за Господа Иисуса Христа» и поэтому является «воином», «подхватившим факел, который с первых дней существования Церкви орошен был кровью мучеников»⁴⁵. Но факел подхватил скорее ее отец, Даррелл Скотт, написавший в соавторстве книгу «Слезы Рэйчел»⁴⁶, посвященную вере и добродетелям его дочери, а также ее дневниковым записям и двухстраничному эссе «Моя этика: мои правила жизни». В 2001 году он основал организацию *Rachel's Challenge*, миссия которой заключается в создании в школах атмосферы добра, продвижении ценности сострадания и предотвращении подростковых суицидов⁴⁷. После этого Рэйчел посмертно получила ряд престижных наград, а ее брат после очередной школьной стрельбы выступал перед Национальным советом США и жал руку президенту Дж. Бушу-младшему. Даррелл Скотт опубликовал дневники дочери, написал еще несколько книг и ездил с их презентациями по всей стране, так что в итоге ее мученичество получило общенациональное признание.

Несмотря на очевидное сходство между случаями Бернал и Скотт, масштабы их почитания сильно отличаются — но почему? Какие обстоятельства были благоприятными во втором случае и не сошлись — в первом? В связи с репутационными предпринимателями речь идет прежде всего о ресурсах: материальных, символических, человеческих. Бернал написала книгу быстрее,

45. Watson, J. *The Martyrs of Columbine*, pp. 52–53.

46. Nimmo, B., Scott, D. Rabey, S. (2000) *Rachel's Tears: The Spiritual Journey of Columbine Martyr Rachel Scott*. Nashville, TN: Thomas Nelson Publishers.

47. См. сайт организации: *Rachel's Challenge* [<https://rachelschallenge.org>, accessed on 19.02.2022].

но в одиночку — хотя и при поддержке писателей и журналистов; Даррел Скотт скооперировался с Бет Ниммо и Стивом Рэйби и опубликовал не одну книгу, а несколько, не считая юбилейного переиздания первой в 2010-м и множества книг об обучении, мотивации и поощрении учащихся, а также комиксов, в которых персонаж Рэйчел, опять же, вдохновляет детей⁴⁸. История Кейси Бернал основывалась на единственном нарративе — «разговоре о Боге», который сразу же был опротестован и, по факту, — почти обесценен «отрицателями», так что ее матери приходилось стоять на своем и объясняться с издателем. Аналогичная история была и у Рэйчел Скотт, но никакого влияния на проект не оказала и вскоре была списана со счетов; гораздо большее значение в том случае получили ее дневники и подростковое эссе про сострадание. Старшие Бернал и Скотт равно получили поддержку со стороны евангелических церквей, однако Даррел Скотт, сам некогда бывший пастором, вероятно, мог располагать ею в большей мере и к тому же основал светскую организацию, что позволило культу его дочери выйти на принципиально новый уровень — в отличие от случая Кесси. Кроме того, ему удалось превратить жизнь и мысли Рэйчел не просто в «агиографию», а в композицию целей, этических принципов и духовных практик, что привлекало на собрания *Rachel's Challenge* множество известных спикеров и распространяло ее влияние на большое число американских школ.

Слабость «автобиографического» предпринимательства заключается в том, что оно может задать репутации мученика один лишь начальный импульс, тогда как основную работу приходится брать на себя «биографам». Это правило относится и к приведенным примерам: Браун обязан своим «мученичеством» прежде всего журналисту Джеймсу Редпасу, который в 1860 году опубликовал распроданную 40-тысячным

48. См.: *The Journals of Rachel Scott: A Journey of Faith in Columbine High* (2009). Nashville, TN: Thomas Nelson; Scott, D., Rabey, S. (2001) *Chain Reaction: A Call to Compassionate Revolution*. Nashville, TN: Thomas Nelson; Scott, D. (2008) *Rachel Smiles: The Spiritual Legacy of Columbine Martyr Rachel Scott*. Nashville, TN: Thomas Nelson; Scott, D., Marzano, R. J. (2014) *Awaken the Learner: Finding the Source of Effective Education*. Bloomington: Marzano Research; Marzano, R. J., Scott, D., Boogren T. H., et al. (2016) *Motivating & Inspiring Students: Strategies to Awaken the Learner*. Bloomington: Marzano Research. Комиксы под названиями «Рэйчел и Адам» и «Рэйчел и новенькая» (позднее — «Рэйчел и Эмбер») опубликованы в 2018–2019 годах.

тиражом книгу «Публичная жизнь Джона Брауна»⁴⁹, а также предводителям аболиционистов (У. Л. Гаррисону, У. Филлипсу, Ф. Дугласу) и философам-трансценденталистам (Г. Д. Торо и Р. У. Эмерсону)⁵⁰. Французские «мученики свободы» Марат и Л.-М. Лепелетье обязаны своей славой Робеспьеру и якобинцам, сочинявшим в их честь речи и гимны; Дэвисон — предводительнице «Женского общественно-политического союза» Эммелин Панкхёрст. Помимо этого, репутационные предприниматели-«биографы» неизменно играют ключевую роль в «национальном» мученичестве, набиравшем популярность в XVIII–XXI веках.⁵¹ Кроме Марата и Лепелетье, своим апофеозом Робеспьеру обязаны революционеры, погибшие при штурме Бастилии и Тюильри, а также юный герой Жозеф Бара, чью историю «Неподкупный» выдумал от начала и до конца; мотивы почитания президента Линкольна заложил аболиционистский лидер Уэнделл Филлипс; «житие» первого ирландского революционера Теобальда Вольфа Тона начал он сам, но дописал и отредактировал этот текст уже его сын — Уильям Теобальд Вольф Тон, а спустя более века к его призраку будет регулярно взывать Патрик Пирс — один из идеологов Пасхального восстания 1916 года в Дублине. Над оформлением культа основателя «Испанской фаланги» Хосе Антонию Примо де Риверы работал Франко, культ нацистского поэта Хорста Весселя инициировал, видимо, лично Геббельс, мученичество И. Моцы и В. Марина прославили лидер «Железной гвардии» Кодрану, а также, не в последнюю очередь, историк религии и писатель Мирча Элиаде⁵².

49. Redpath, J. (1860) *The Public Life of Capt. John Brown*. Thayer and Eldridge. См. также: Fine, G. A. *Difficult Reputations*, p. 103.

50. См. об этом в биографиях Брауна: Oates, S. B. (1972) *To Purge this Land with Blood: A Biography of John Brown*. Harper & Row; Abels, J. (1971) *Man on Fire: John Brown and the Cause of Liberty*. The Macmillan Company.

51. Подробнее см. нашу статью: Зыгмонт А. И. «Dulce et decorum est»: феномен мученичества в западных национализмах XVIII–XX веков // Социологическое обозрение. 2019. Vol. 18. № 3. С. 173–171.

52. О некоторых из этих кейсов см.: Moran, S. F. (1994) *Patrick Pearse and the Politics of Redemption: The Mind of the Easter Rising, 1916*. Catholic University of America Press; Anderson, P. (2011) "In the Name of the Martyrs: Memory and Retribution in Francoist Southern Spain, 1936–45", *Cultural and Social History* 8(3): 355–370; Siemens, D. (2013) *The Making of Nazi Hero: The Murder and Myth of Horst Wessel*. London, New York: I. B. Tauris.

Наконец, о «диффузном» — иначе, «коллективном» — предпринимателе можно говорить в случаях, когда после чьей-либо гибели схожие проекты иницируются множеством людей одновременно, даже если на общем фоне и выделяется более влиятельный «биограф». Если ненадолго выйти из христианского универсума, то именно о таком коллективном проекте, по-видимому, идет речь в связи с почитанием Хусейна у мусульман-шиитов или гуру Гобинда Сингха у сикхов. Еврейские общины в Европе традиционно считали жертв антисемитского насилия совершившими «освящение Имени» (*Киддуш ха-Шем*) — но такое решение принималось коллективно⁵³. Если же обратиться к уже упомянутым случаям, то римские власти боялись, что останки мучеников заберут не конкретные люди, а любые христиане; на следующий день после убийства Линкольна 14 апреля 1865 года в церквях были произнесены сотни проповедей, в которых он единогласно объявлялся мучеником и христоподобной фигурой, искупившей нацию кровью⁵⁴. Несмотря на всю свою инициативу, Робеспьер произнес о Марате и Лепелетье немало речей, но не сочинил ни единого гимна — тогда как их за считанные дни и недели написали несколько десятков, если не сотен, другие их почитатели. Когда же о множестве одновременных проектов речь не идет, на коллективного предпринимателя в виде «широкой аудитории» направлены любые усилия автобиографов и биографов; без народного почитания, распространения слухов, благочестивых легенд и рассказов о чудесах их предприятие может быстро сойти на нет или засохнуть наподобие безжизненного гербария.

«Неудачный» репутационный проект

Примечательным образом, повторим, мы ничего не слышали и не знаем о тех *возможных* мучениках, в отношении которых репутационный проект иницирован не был. Однако известны случаи, когда он был иницирован, но кончился неудачей, то есть был не завершен или сочтен пустышкой. Эти случаи ин-

53. В качестве источника см., автобиографию Гликль бас Иуды Лейб, рассмотренную в классической работе: Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 51–52.

54. См.: *Our Martyred President, Abraham Lincoln. Voices from the Pulpit of New York and Brooklyn* (1865). New York: Tibbals & Whiting.

интересней других потому, что показывают, какими должны быть предпосылки и что конкретно необходимо сделать, чтобы проект состоялся.

Примеры подобного рода, даже не считая борьбы кафоликов с донатистами, где обе стороны имели «своих» мучеников и ругали «чужих», есть и в классической церковной истории. Один из них изложен в трактате Сократа Схоластика — который, по его словам, «начинается там, где заканчивается “История” Евсевия»⁵⁵. Однажды в ходе конфликта между Кириллом Александрийским и префектом Орестом из киновий в нитрийских горах в город явилась внушительная толпа монахов, которые подкараулили колесницу правителя и стали его оскорблять, обзывая язычником — хотя тот был крещеный христианин. Один из монахов, которого звали Аммоний, швырнул в него камень и попал в голову, за что был казнен в соответствии с римским законом. И далее читаем:

Об этих событиях вскоре донес он [префект. — А.З.] самодержцам. А Кирилл представлял их царю с противоположной стороны, тело же Аммония взял и положил в одной из церквей и, переименовав ему имя, назвал его Фавмасием, чтобы считали его мучеником и прославляли в Церкви его великодушие, как подвиг за благочестие. Однако люди скромные, хотя и христиане, не одобрили этой Кириловой ревности, ибо знали, что Аммоний понес наказание за свое безрассудство и умер в мучениях не потому, что был принуждаем к отречению от Христа. Итак, сам Кирилл своим молчанием малопомалу привел это дело в забвение⁵⁶.

В рамках своей инициативы Кирилл очевидно преследовал конъюнктурные цели и опирался на устоявшуюся к V веку традицию, когда мучениками зачастую объявляли христиан и особенно агрессивных монахов, погибших в результате собственных насильственных действий — например, будучи забиты или казнены после сожжения языческого храма или синагоги. Как отмечает исследователь М. Гэддис, Кирилл мог переименовать Аммония в Фавмасия, — что переводится с греческого как «удивительный» или «чудесный», — чтобы за этим именем потяну-

55. Сocr., HE, 1,1 (*Сократ Схолистик. Церковная история*. М.: РОССПЭН, 1996).

56. Ibid., 7, 14.

лись рассказы о чудесах, но просчитался⁵⁷. Множество таких монахов хотели стать мучениками — и стали ими — и до Аммония, но в этом случае *public opinion* оказалось против, и всю историю пришлось замять. Получилось так по ряду причин: александрийцы недолюбливали монахов изначально, почему и спасли от их рук префекта; тот был христианином, и навесить на него ярлык «гонителя» было сложнее; наконец, смерть монаха в глазах христиан не соответствовала главному критерию мученичества — его никто не принуждал отречься от веры. Поэтому репутационный проект в его отношении провалился, а предприниматель сам это осознал и «мало-помалу привел это дело в забвение».

Переходя к современности, в Великобритании и США было множество случаев, когда мученические репутационные проекты инициировались, но либо протекали крайне вяло, либо сама идея мученичества оказывалась на периферии. К примеру, на рубеже XIX–XX веков в США сложилась мощная традиция *our martyred presidents*, «наших президентов-мучеников», представленная прежде всего Линкольном, но также Дж. Гарфилдом и У. Мак-Кинли. Однако начиная с 1920-х годов на это звание претендовали по крайней мере еще трое: это У. Гардинг, В. Вильсон и Дж. Кеннеди, из которых сейчас мы рассмотрим только первого. Уоррен Гардинг (1865–1923) скончался 2 августа в Сан-Франциско, предположительно — от сердечного приступа. Исследователь Г. Орлански приводит подборку цитат из *New York Times* от 3–10 августа, и некоторые реакции на это событие обнаруживают намерение «сделать» из покойного мученика, например: «На своем посту он был самым настоящим мучеником — совсем как наши мужественные ребята, отдавшие жизни свои на полях Франции и Фландрии»; или, в другом тексте: «он положил жизнь на алтарь служения нашей стране»⁵⁸. Однако, как пишет историк Э. Навех, к 1923 году администрация президента увязла в скандалах, а сама его кратковременная служба упорно ассоциировалась с коррупцией и некомпетентностью⁵⁹.

57. Подробнее об этом см.: Gaddis, M. (2005) *There Is No Crime for Those Who Have Christ: Religious Violence in the Christian Roman Empire*, p. 222. Berkeley, CA: University of California Press.

58. Orlandy, H. (1947) "Reactions to the Death of President Roosevelt", *The Journal of Social Psychology* 26(2): 264.

59. Naveh, E. *Crown of Thorns*, p. 170.

Немалую роль в том, что его мученичество так и не состоялось, сыграли еще два обстоятельства: во-первых, личность его предшественника Вудро Вильсона, которого запомнили идеалистом и долгое время прославляли в качестве *martyr for peace*, «мученика за мир». В 1919 году он получил Нобелевскую премию мира, переживал, что не сумел ратифицировать в Конгрессе вступление США в Лигу Наций, а последние годы жизни был наполовину парализован после инсульта. На этом фоне Гардинг смотрелся невыгодно. Помимо этого, были серьезные подозрения, что его отравили — и не кто-нибудь, а собственная жена, Флоренс Клинг Деулф Гардинг, которой он постоянно изменял вплоть до рождения внебрачных детей, тогда как в дискурсах мученичества «троицы» Линкольна, Гарфилда и Мак-Кинли их «высокий моральный облик» играл огромную роль. Наконец, для его «мученичества» реально не было никаких оснований: он не был убит, прослужил на посту всего пару лет и ничего выдающегося для страны не сделал.

Крайне редко случается так, что у объекта предпринимательства есть все необходимое, чтобы стать мучеником: насильственная смерть; люди, готовые произносить о нем речи, писать книги, основывать фонды его имени, строить памятники и мемориальные парки; община, которая себя с ним идентифицирует; «дело», ради которого он якобы жил и умер, — однако же понятие мученичества сознательно не используется. Таков случай Дэвида Олувале (1926/31–1969) — выходца из Нигерии, убитого в 1969 году в Лидсе двумя полицейскими; обоих признали виновными в нападении, но не в убийстве. Олувале был человеком не очень благополучным — контрабандой пробравшись в Великобританию, он около десяти лет провел в психиатрической клинике, часто ночевал на улице, и сорок лет его вспоминали мало. Во второй половине 2000-х его образ внезапно оказался востребован: о нем вышло две книги⁶⁰, в 2012-м была создана Мемориальная Ассоциация Дэвида Олувале (DOMA), начали обсуждать памятник. Несмотря на то, что известно о нем было мало, нарратив собирали буквально по крупицам: якобы он активно протестовал против всеобщего расизма, не боялся жестоких полицейских и единственный осмеливался гулять в цен-

60. См.: Apsden, K. (2007) *Nationality Wog: The Hounding of David Oluwale*. London: Jonathan Cape; Phillips, C. (2008) *Foreigners: Three English Lives*. London: Vintage.

тре города по ночам, заявляя тем самым «право чернокожих существовать в расистском обществе». Вопрос, не является ли он «секулярным мучеником», был поднят всего один раз в 2018 году по okazji: редакторы сборника «Секулярное мученичество в Британии и Ирландии от Петерлоо и до наших дней» К. Аутрам и К. Лейборн предложили секретарю ДОМА Макс Фэррару написать об Олувале главу, что тот и сделал, придя, тем не менее, к выводу, что Олувале не мученик, и зачем применять к нему это понятие — непонятно⁶¹. Так при выдающемся успехе репутационного проекта вопрос о мученичестве был поднят и сразу закрыт.

* * *

Надеемся, что в рамках статьи нам удалось продемонстрировать, по крайней мере, то, что концепция репутационного предпринимательства является для исследований мученичества весьма перспективной и позволяет эффективно описывать кейсы из древней, новой и современной истории. Акцент в подобном анализе делается, с одной стороны, на том единичном или коллективном субъекте, который инициирует и ведет «проект», а с другой — на ресурсах и обстоятельствах, которые способствуют или препятствуют его реализации. Именно их мы хотели бы еще раз вкратце перечислить в заключение текста, основываясь на рассмотренных в нем примерах.

Итак, в процессе инвентаризации *ресурсной базы и предпосылок* конкретного репутационного проекта необходимо ответить на следующие вопросы:

(1) насколько исходный материал — то есть обстоятельства жизни и смерти кандидата — является «благонадежным»? Есть ли на нем «темные пятна», с которыми придется иметь дело в процессе доказательства, что кандидат действительно был мучеником (подобно жестокости Дж. Брауна и Аммония или моральным изъясам президента Гардинга)?

(2) соответствует ли этот исходный материал устоявшейся религиозной традиции (в нашем случае это прежде всего христиан-

61. См. его статью и запись в блоге: Farrar, M. “David Oluwale”, pp. 227–262; “David Oluwale — Was He a Secular Martyr?”, *Max Farrar*. URL: [https://www.maxfarrar.org.uk/writing/david-oluwale-was-he-a-secular-martyr/, accessed on 19.02.2022].

ство)? Насколько естественно и логично на него ложатся тропы гонений или исповедания веры, сравнения со Христом?

(3) было ли у мученика «дело» (cause), за которое он якобы принес себя в жертву, — и если нет, насколько трудно его изобрести или связать с уже существующим?

(4) имеется ли сообщество, которое сможет интегрировать его образ в композицию собственной идентичности? Заинтересовано ли это сообщество именно в образе мученика, жертвы — а не, например, борца и героя (как в случае с несостоявшимся мученичеством Д. Олувале)?

(5) наконец, в контексте «биографического» типа значение нередко имеет личность самого репутационного предпринимателя: с одной стороны, его авторитет может придать кандидату дополнительный вес (как в случае мучеников, о которых вещал Робеспьер), с другой — при определенных обстоятельствах за ним могут заподозрить личный расчет, идеалу мученичества в целом не соответствующий (как было с М. Бернал).

Некоторое количество отрицательных ответов на эти вопросы может серьезно осложнить осуществление репутационного проекта и стать залогом его неудачи. Из сопутствующих обстоятельств следует особо выделить наличие или отсутствие «подрывной» работы, которая может вестись в отношении образа кандидата (как, например, обвинения Брауна в сумасшествии и жестокости со стороны южан или отрицание «разговора о Боге» в случае мучениц «Колумбайна»). Такого рода «активное оспаривание», известное в англоязычной литературе как *contestation*, признается сегодня важнейшим мотивом в дискурсах жертвоприношения в целом⁶².

Принимая во внимание все эти моменты и обстоятельства, следует учитывать, что их нельзя отметить по системе «чек-бокса» или оценить количественно. Исходя из этого, каждый случай более или менее уникален, что открывает большой простор для исследований и позволяет апробировать предложенную нами модель на предельно обширном эмпирическом материале.

62. См., напр.: Afsaruddin, A. (2018) "Martyrdom and its Contestations in the Formative Period of Islam", in M. Kitts (ed.) *Martyrdom, Self-Sacrifice, and Self-Immolation: Religious Perspectives on Suicide*, pp. 85–105. New York: Oxford University Press.

Библиография / References

- Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима. Архив и свидетель. М.: Европа, 2012.
- Дженкинс Ф. Войны за Иисуса. Как церковь решала, во что верить. М.: Эксмо, 2012.
- Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Зыгмонт А.И. Существует ли «секулярное мученичество»? К вопросу о демаркации проблемных форм жертвенности // Шаги/Steps. 2021. № 2. С. 31–58.
- Зыгмонт А.И. «Dulce et decorum est»: феномен мученичества в западных национализмах XVIII–XX веков // Социологическое обозрение. 2019. Vol. 18. № 3. С. 173–171.
- Писания мужей апостольских. СПб.: Амфора, 2007.
- Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / Пер., коммент., вступ. ст., прилож. и общ. ред. А.Д. Пантелеева. СПб: ИЦ «Гуманитарная академия», 2017.
- Сократ Схоластик. Церковная история. М.: РОССПЭН, 1996.
- Эрман Б. Как Иисус стал Богом. М.: Эксмо, 2016.
- Юргенсмейер М. «Ужас Мой пошлю пред тобою». Религиозное насилие в глобальном масштабе. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Abels, J. (1971) *Man on Fire: John Brown and the Cause of Liberty*. The Macmillan Company.
- Afsaruddin, A. (2018) “Martyrdom and its Contestations in the Formative Period of Islam”, in Kitts, M. (ed.) *Martyrdom, Self-Sacrifice, and Self-Immolation: Religious Perspectives on Suicide*, pp. 85–105. New York: Oxford University Press.
- Agamben, G. (2012) *Homo sacer. Chto ostaetsia posle Osventsima. Arkhiv i svidetel'* [Homo sacer. Remnants of Auschwitz. The Witness and the Archive]. M.: Evropa.
- Anderson, P. (2011) “In the Name of the Martyrs: Memory and Retribution in Francoist Southern Spain, 1936–45”, *Cultural and Social History* 8(3): 355–370.
- Apsden, K. (2007) *Nationality Wog: The Hounding of David Oluwale*. London: Jonathan Cape.
- Bernall, M. (1999) *She Said Yes: The Unlikely Martyrdom of Cassie Bernall*. Farmington, PA: Plough Publishing House.
- Bowersock, G. (1995) *Martyrdom and Rome*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Boyarín, D. (1999) *Dying for God. Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism*. Stanford: Stanford University Press.
- Castelli, E. A. (2004) *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New York, Chichester: Columbia University Press.
- Collette, C. P. (2013) *In the Think of the Fight: The Writing of Emily Wilding Davison, Militant Suffragette*. Ann Arbor, MI: Michigan University Press.
- Cullen, D. (2009) *Columbine*. New York: Twelve.
- Davis, N. Z. (1999) *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta VII veka* [Women on the Margins: Three Seventeenth-century Lives]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- de Ste. Croix, G. E. M. (2006) *Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy*. New York: Oxford University Press.

- DeSoucey, M., Pozner, J., Fields, C., et al. (2008) "Memory and Sacrifice: An Embodied Theory of Martyrdom", *Cultural Sociology* 2(1): 105–108.
- Droge, A., Tabor, J. (1992) *A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity*. San Francisco: Harper San Francisco.
- Ehrman, B. (2016) *Kak Iisus stal Bogom* [How Jesus Became God: The Exaltation of a Jewish Preacher from Galilee]. M.: Eksmo.
- Farrar, M. (2018) "David Oluwale: Making his Memory and Debating his Martyrdom", in Q. Outram, K. Laybourn (eds) *Secular Martyrdom in Britain and Ireland: From Peterloo to the Present*, pp. 227–262. Palgrave Macmillan.
- Fine, G.A. (2001) *Difficult Reputations: Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial*. Chicago: University of Chicago Press.
- Fine, G.A. (2012) *Sticky Reputations: The Politics of Collective Memory in Midcentury America*. New York, London: Routledge.
- Freund, W. H. C. (1965) *Martyrdom and Persecution in the Early Church: A Study of a Conflict from the Maccabees to Donatus*. Oxford: Blackwell.
- Gaddis, M. (2005) *There Is No Crime for Those Who Have Christ: Religious Violence in the Christian Roman Empire*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Grig, L. (2004) *Making Martyrs in Late Antiquity*. London: Duckworth.
- Gullickson, G. (2008) "Emily Wilding Davison: Secular Martyr?", *Social Research* 75(2): 461–484.
- Hall, F. H. (1916) *The Story of the Battle Hymn of the Republic*. New York: Harper.
- Hickerson, M. L. (2005) *Making Women Martyrs in Tudor England*. London: Palgrave Macmillan.
- Jenkins, P. (2012) *Voiny za Iisusa. Kak tserkov' reshala, vo chto verit'* [Jesus Wars: How Four Patriarchs, Three Queens, and Two Emperors Decided What Christians Would Believe in the Next 1,500 Years]. M.: Eksmo.
- Juergensmeyer, M. (2022) "Uzhas Moi poshliu pred toboiu". *Religioznoe nasilie v global'nom masshtabe* [Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kitts, M. (2018) "The *Martys* and Spectacular Death: From Homer to the Roman Arena", *Journal of Religion and Violence* 6(2): 268–272.
- Kitts, M. (ed.) (2018) *Martyrdom, Self-Sacrifice, and Self-Immolation: Religious Perspectives on Suicide*. New York: Oxford University Press.
- Larkin, R. W. (2007) *Comprehending Columbine*. Philadelphia: Temple University Press.
- Lookadoo, J. (2020) "The Date and Authenticity of the Ignatian Letters: An Outline of Recent Discussion", *Currents of Biblical Research* 19(1).
- Marzano, R. J., Scott, D., Boogren T. H., et al. (2016) *Motivating & Inspiring Students: Strategies to Awaken the Learner*. Bloomington: Marzano Research.
- Middleton, P. (2006) *Radical Martyrdom and Cosmic Conflict in Early Christianity*. London: T&T Clark.
- Middleton, P. (2014) "What Is Martyrdom?", *Mortality: Promoting Interdisciplinary Study of Death and Dying* 19(2): 117–133.
- Moran, Seán F. (1994) *Patrick Pearse and the Politics of Redemption: The Mind of the Easter Rising, 1916*. Catholic University of America Press.
- Moss, C. (2010) *The Other Christs: Imitating Jesus in Ancient Christian Ideologies of Martyrdom*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Moss, C. (2013) *The Myth of Persecution. How Early Christians Invented the Story of Martyrdom*. New York: Harper One.

- Naveh, E. J. (1992) *Crown of Thorns: Political Martyrdom in America from Abraham Lincoln to Martin Luther King Jr.* New York: New York University Press.
- Nimmo, B., Scott, D. Rabey, S. (2000) *Rachel's Tears: The Spiritual Journey of Columbine Martyr Rachel Scott*. Nashville, TN: Thomas Nelson Publishers.
- Oates, Stephen B. (1972) *To Purge this Land with Blood: A Biography of John Brown*. Harper & Row.
- Orlansky, H. (1947) "Reactions to the Death of President Roosevelt", *The Journal of Social Psychology* 26(2): 235–266.
- Our Martyred President, Abraham Lincoln. Voices from the Pulpit of New York and Brooklyn* (1865). New York: Tibbals & Whiting.
- Panteleev, A. D. (ed.) (2017) *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovaniia* [The Early Martyrdoms. Translations, Commentaries, Researches]. SPb.: Gumanitarnaiia akademiia.
- Phillips, C. (2008) *Foreigners: Three English Lives*. London: Vintage.
- Pisaniia muzhei apostol'skikh* [The Writings of the Apostolic Fathers] (2007). SPb.: Amfora.
- Ployd, A. (2018) "Non poena sed causa: Augustine's Anti-Donatist Rhetoric of Martyrdom", *Augustinian Studies*, 49(1): 25–44.
- Potter, D. (1993) "Martyrdom as Spectacle", in R. Scodel (ed.) *Theatre and Society in the Classical World*, pp. 53–88. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Redpath, J. (1860) *The Public Life of Capt. John Brown*. Thayer and Eldridge.
- Sales-Carbonell, J. (2014) "Roman Spectacle Buildings as a Setting for Martyrdom and Its Consequences in the Christian Architecture", *Journal of Ancient History and Archaeology* 1(3): 8–21.
- Sanborn, F. B. (ed.) (1985) *The Life and Letters of John Brown, Liberator of Kansas, and Martyr of Virginia*. Boston: Roberts Brothers.
- Schama, S. (1989) *Citizens: A Chronicle of the French Revolution*. New York: Alfred A. Knopf.
- Scott, D. (2008) *Rachel Smiles: The Spiritual Legacy of Columbine Martyr Rachel Scott*. Nashville, TN: Thomas Nelson.
- Scott, D., Marzano, R.J. (2014) *Awaken the Learner: Finding the Source of Effective Education*. Bloomington: Marzano Research.
- Scott, D., Rabey, S. (2001) *Chain Reaction: A Call to Compassionate Revolution*. Nashville, TN: Thomas Nelson.
- Shaw, Brent D. (2011) *Sacred Violence: African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine*. Cambridge University Press.
- Siemens, D. (2013) *The Making of Nazi Hero: The Murder and Myth of Horst Wessel*. London, New York: I. B. Tauris.
- Sokrat Sholastik (1996) *Tserkovnaia istoriia* [Church History]. M.: ROSSPEN.
- Stutler, B. B. (1960) *Glory, glory, hallelujah! The Story of "John's Brown Body" and "Battle Hymn of the Republic"*. C. J. Krehbiel Co.
- Stauffer, J., Soskis, B. (2013) *The Battle Hymn of the Republic: A Biography of the Song that Marches On*. Oxford University Press.
- The Journals of Rachel Scott: A Journey of Faith in Columbine High* (2009). Nashville, TN: Thomas Nelson.
- van Henten, J. W., Avemarie, F. (2002) *Martyrdom and Noble Death: Selected Texts from Greco-Roman, Jewish and Christian Antiquity*. London, New York: Routledge.

- Watson, J. (2002) *The Martyrs of Columbine: Faith and the Politics of Tragedy*. Palgrave Macmillan.
- Weiner, E., Weiner, A. (1990) *The Martyr's Conviction: A Sociological Analysis*. Atlanta, GA: Scholars Press, 1990.
- Zygmunt, A.I. (2019) “‘Dulce et decorum est’: fenomen muchenichestva v zapadnykh natsionalizmax XVIII–XX vekov” [‘Dulce et decorum est’: The Phenomenon of Martyrdom in Western Nationalisms of the 18th–20th centuries]”, *Sotsiologicheskoe obozrenie* 18(3): 143–171.
- Zygmunt, A.I. (2021) “Sushchestvuet li ‘sekuliarnoe muchenichestvo’? K voprosu o demarkatsii problemnykh form zhertvennosti” [Is there ‘Secular Martyrdom’? On the Issue of Demarcating Problematic Sacrificial Phenomena], *Shagi/Steps*, 7(2): 244–267.